
Была ли Россия «дворянской империей»? Некоторые аспекты военной службы дворянства в середине XVIII века

Андрей Дмитриев

Проблемы имперского строительства в российской истории эпохи Нового времени вызывают стабильный интерес у отечественных и зарубежных исследователей. Только на протяжении последнего десятилетия было опубликовано значительное число работ, посвящённых рассмотрению как тех или иных конкретных сюжетов, так и обобщающих, подводящих некоторые концептуальные основы под изучение феномена Российской империи¹. Успешно продолжает данную исследовательскую традицию и подготовленная авторским коллективом сотрудников Института российской истории РАН монография «Российская империя: от истоков до начала XIX в.»², где обобщаются исследования комплекса проблем, связанных с имперской тематикой: расширение территории и геополитика России, государственное управление и состав населения страны, экономика, идеология. Практически все эти аспекты изучаются авторами на базе широкого конкретно-исторического материала, что придаёт монографии большую ценность. Но если сюжеты, относящиеся к XVI–XVII вв., раскрыты во всей своей полноте, то при знакомстве с разделами, посвящёнными XVIII столетию, остаётся ощущение некоторой недосказанности.

Уже давно сложился устойчивый стереотип, что Россия после Петра I, а особенно в период правления Екатерины II, квалифицируется как «дворянская империя». Тем самым подчёркивается господствующая роль в политической и социальной жизни страны дворянского сословия на фоне идущего практически непрерывно расширения его прав и привилегий, а также сокращения обязанностей перед государственной властью. Достаточно ознакомиться с соответствующими разделами в учебниках и учебных пособиях для школ и вузов, чтобы в этом убедиться. Однако в рассматриваемой монографии авторы не сочли нужным отвести место для рассмотрения этого аспекта. Лишь в одном из последних разделов, написанном А.Н. Медушевским, анализируется взаимовлияние власти и собственности в Российской империи XVIII в., что подразумевает необходимость выявления и изучения политического и социального статуса дворянства в рамках абсолютистской государственности. Но и здесь мы находим вполне традиционные положения о «власти, ставшей заложником сословия и утратившей возможность независимой общегосударственной политики», о том, что после издания Манифеста о вольности дворянства

© 2014 г. А.В. Дмитриев

¹ Среди них можно выделить следующие работы: Российская империя в сравнительной перспективе: Сборник статей. М., 2004; Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления. Воронеж, 2004; *Ливен Д.* Российская империя и её враги с XVI в. до наших дней. М., 2007; *Каррер д'Анкокс Э.* Евразийская империя: история Российской империи с 1552 г. до наших дней. М., 2007.

² Российская империя: от истоков до начала XIX в. Очерки социально-политической и экономической истории. М., 2011.

1762 г. «многие дворяне, освободившись от обязательной службы, обратились к ведению хозяйства в своих имениях», о самом дворянстве как «правлящем сословии» и т.д.³

Следует заметить, что для подобных выводов необходимо было бы наличие целого комплекса исследований с обширной источниковой базой, в которых бы детально прослеживалась взаимосвязь таких факторов, как материально-имущественное положение представителей дворянства и порядок прохождения ими государственной службы, военной и гражданской. Однако к настоящему времени увидели свет лишь несколько работ, где эти вопросы получили надлежащее освещение с привлечением конкретного архивного материала⁴. Положения, сформулированные в этих работах относительно глубокой дифференциации внутри дворянского сословия в XVIII в. и обусловившей необходимость тянуть служебную лямку для многих и многих представителей «благородного шляхетства», игнорируются, а всё дворянское сословие России продолжает рассматриваться как единое целое. В этом смысле утверждения А.Н. Медушевского о том, что «дворянство оказалось перед лицом бесконечного раздробления своих земельных владений», в результате чего «единственным средством для поддержания стабильности существования становилось усиление хозяйственного давления на собственных крестьян»⁵, перекликаются с характеристиками, содержащимися в работах советских историков 1950–1960-х гг., клеймивших всё российское дворянство за «беспечный образ жизни за счёт крепостного труда» и оценивавших его как «паразитирующий слой общества, освобождённый от каких-либо обязанностей и проедающий труды многомиллионной массы крестьян»⁶.

По моему мнению, эти утверждения не только нуждаются в корректировке, но и зачастую создают неверное представление о тех людях, которые на протяжении XVIII в. входили в состав «правлящего сословия» Российской империи. Достаточно обратиться к анализу конкретных данных об имущественном положении и службе дворян, чтобы увидеть, насколько «шляхетство» было внутренне неоднородным. И.В. Фаизова приводит сделанные ещё её предшественниками подсчёты, согласно которым и в 1720-х, и в 1770-х гг. доля лиц, владевших менее чем 20 душами крепостных крестьян мужского пола, составляла более половины от численности всех дворян-помещиков в стране (59%). И это при том, что цифра в 20 душ как раз и считалась границей, отделявшей неимущих землевладельцев от хоть сколько-нибудь соответствовавших тогдашнему «прожиточному минимуму»⁷. Где же могли рассчитывать эти люди найти источники пропитания, если не на государственной службе? При этом предпочтение, естественно, отдавалось военной службе, имевшей в глазах современников ряд преимуществ перед гражданскими должностями как с точки зрения социального престижа (не зря мундир в России всегда ценился выше фрака!), так и в плане быстроты прохождения лестницы чинов по Табели о рангах.

³ Медушевский А.Н. Российская империя в сравнительном освещении. Власть и собственность в абсолютистском государстве // Там же. С. 797, 806.

⁴ Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М., 1974; Индова Е.И. К вопросу о дворянской собственности в России в поздний феодальный период // Дворянство и крепостной строй России в XVI–XVIII вв. М., 1975. С. 272–292; Фаизова И.В. «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М., 1999.

⁵ Медушевский А.Н. Указ. соч. С. 807.

⁶ См.: Коган Ю.Я. Дворяне // Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в. М., 1956. С. 78; История СССР с древнейших времён до наших дней. Т. 3. М., 1967. С. 438.

⁷ Фаизова И.В. Указ. соч. С. 48–51.

Для того чтобы проиллюстрировать вышеприведённый тезис конкретными примерами, мы можем обратиться к данным о военной службе дворян в середине XVIII столетия, содержащимся в именных списках личного состава пехотных и кавалерийских полков русской армии, относящихся к указанному периоду. Замечу, что до сих пор эти источники практически не использовались исследователями. Между тем сосредоточенные в Российском государственном военно-историческом архиве именные списки штаб-, обер- и унтер-офицеров тех или иных армейских полков содержат ценную информацию о происхождении, служебном стаже и имущественном положении этих людей. На основании этих данных можно проверить, справедлив ли вывод упомянутых выше авторов о значительном расслоении внутри дворянского сословия, не позволяющем рассматривать его как единое целое.

Проанализируем именные списки офицерского корпуса четырёх полевых полков русской армии, согласно указу императрицы Елизаветы Петровны передислоцированных из Европейской России на территорию Сибири в 1744–1745 гг.: Нотебургский пехотный, Луцкий, Олонецкий и Вологодский драгунские⁸. Вологодский драгунский полк был сформирован в Белгороде полковником Ф.С. Хрущовым в 1705 г., Луцкий – в 1706 г. в Копорье из «шляхетства» и казаков Новгородского разряда подполковником кн. Т. Путягиным, Олонецкий в 1707 г. был переформирован из рейтарского полка, набранного ещё в 1700 г. в Смоленске. Нотебургский пехотный полк (сначала именовался Ленкоранским; новое название получил в 1732 г.) был сформирован позднее, в 1726 г., в составе так называемого Низового корпуса, предназначенного для оккупации прикаспийских провинций Персии⁹. Непосредственно перед отправкой на восток в 1744 г. они дислоцировались: Нотебургский пехотный полк – в крепости Св. Анны, Луцкий и Вологодский драгунские полки – в Казанской, а Олонецкий – в Нижегородской губерниях¹⁰. Как по своему личному составу, так и по уже пройденным этапам служебного пути эти воинские части к середине XVIII в. являлись вполне типичными в ряду полков русской армии. Изучив именные списки каждого полка за 1748 г. (т.е. спустя несколько лет после их прибытия в Сибирь), появилась возможность проанализировать количественный и качественный состав дворянского контингента, несшего в их рядах службу.

Всего мною было выявлено 165 человек, относившихся по своему сословному происхождению к русскому дворянству и на тот момент служивших штаб-, обер- или унтер-офицерами в составе этих четырёх полков¹¹. Доля выходцев из

⁸ О переброске их в Сибирь см.: *Дмитриев А.В.* Перевод полевых частей русской армии в Сибирь в 1744–1745 гг. // *Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология.* Т. 10. 2011. Вып. 1: История. С. 61–68.

⁹ *Висковатов А.В.* Историческое описание одежды и вооружения российских войск. Ч. 2. СПб., 1899. С. 104; *Рабинович М.Д.* Полки Петровской армии, 1698–1725: Краткий справочник. М., 1977. С. 81, 93, 94, 97; *Татарников К.В.* Русская полевая армия 1700–1730: Обмундирование и снаряжение. М., 2008. С. 260, 275, 288.

¹⁰ *Дмитриев А.В.* Состав и структура полевых и гарнизонных полков русской армии в Сибири середины XVIII в. (1740-е гг.) // *Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология.* Т. 9. 2010. Вып. 1: История. С. 89.

¹¹ Я не рассматриваю здесь выходцев из европейских стран, а также остзейских немцев, поскольку эти люди, как правило, не располагали собственными земельными владениями и крепостными крестьянами. Так называемые должности «унтер-штаба» (комиссары, адъютанты, писари, обозные) также сюда не включены, поскольку они числились в штатах полков отдельно, не входя в число офицеров. В число унтер-офицеров включены лица до чина подпрапорщика, исключая капралов.

Возрастные показатели офицеров-дворян сибирских полков

Возраст	Полки				Всего
	Нотебургский	Луцкий	Вологодский	Олонецкий	
До 30 лет	15	22	13	10	60
31–40 лет	6	14	15	7	42
41–50 лет	3	19	12	6	40
Более 50 лет	3	6	3	4	16
Неизвестно	4	2	1	–	7
Всего	31	63	44	27	165

Составлено по: РГВИА, ф. 490, оп. 1, д. 306, 309, 314, 339.

дворян по разным полкам колебалась: в Нотебургском полку их насчитывался лишь 31 человек из 92 офицеров (34%), а в Луцком представители «шляхетства» составляли подавляющее большинство – 63 человека из 76 (83%). В двух других драгунских полках доля дворян составляла около половины: 44 человека из 78 в Вологодском и 36 человек из 79 в Олонецком¹². Полные биографические данные есть только для 158 человек, поскольку на момент проведения инспекторских смотров некоторые офицеры отсутствовали в расположении своих частей, находясь в дальних командировках или пребывая в отпусках. Сведения о возрасте и служебном стаже интересующих нас лиц дают следующую картину (табл. 1–2).

Хотя наибольшую долю в этих воинских частях составляли молодые офицеры в возрасте до 30 лет (60 человек, 36%), люди старше 40 лет им почти не уступали (56 человек, 34%). Это позволяет предположить, что смена поколений в рядах военнослужащих к середине XVIII в. происходила сравнительно безболезненно: наряду с непрерывным притоком в армию молодых новобранцев из «благородного шляхетства» в армии продолжали службу люди, которых можно было причислить к ветеранам, помнившим ещё времена Петра I. Это означало, что далеко не все из дворян, состоявших на военной службе, сочли необходимым воспользоваться нормой, которая была провозглашена в манифесте императрицы Анны Иоанновны от 31 декабря 1736 г.: «Всякой должен служить в воинской службе, от 20 лет возраста своего, 25 лет; а по прошествии 25 лет, всех, хотя кто еще и в службу был годен, от воинской и статской службы отставлять»¹³.

Распределение этих дворян по офицерским чинам выглядело следующим образом: среди штаб-офицеров (от секунд-майора и выше) их было 9 человек из 16, в обер-офицерских чинах (от прапорщика до капитана) состояли 64 человека из 106, унтер-офицеров (от подпрапорщиков до сержантов и вахмистров) насчитывалось 92 человека из 194. Как видим, их доля в среднем составляла почти половину, от 47 до 60%. Более того, почти никто из них не служил рядо-

¹² Здесь и далее все данные подсчитаны мною по книгам инспекторского смотра полков: Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА), ф. 490 («Коллекции офицерских сказок»), оп. 1, д. 306 (Нотебургский), 309 (Луцкий), 314 (Вологодский), 339 (Олонецкий). В 1749 г. в состав Олонецкого полка были переведены 9 человек из двух других драгунских полков, поэтому, чтобы избежать дублирования, в дальнейшем я даю сведения о службе этих людей только до момента их перевода.

¹³ ПСЗ-I. Т. 9. № 7142. С. 1022.

Служебный стаж офицеров-дворян сибирских полков

Срок службы	Полки				Всего
	Нотебургский	Луцкий	Вологодский	Олонецкий	
До 10 лет	10	14	7	5	36
11–20 лет	12	19	20	11	62
21–30 лет	3	21	15	9	48
Свыше 30 лет	2	7	1	2	12
Неизвестно	4	2	1	–	7
Всего	31	63	44	27	165

Составлено по: РГВИА, ф. 490, оп. 1, д. 306, 309, 314, 339.

вым в гвардии перед тем, как попасть в армейские полевые полки уже в офицерском чине. Таковыми были лишь двое: прапорщики Луцкого драгунского полка Емельян Яншин и Абрам Полянский, ранее числившиеся рядовыми в лейб-гвардии Семёновском полку, а в апреле 1747 г. отправившиеся на службу в Сибирь¹⁴. Таким образом, тот путь, который считался типичным для дворянина, вступившего в военную службу (т.е. прохождение через гвардию), на деле встречался нечасто. Справедливо, на мой взгляд, мнение тех исследователей, которые считают гвардию совершенно особым явлением в жизни Российской империи XVIII в., как с точки зрения её роли и функций в военной и политической сферах жизни страны, так и в плане её состава. Дворцовые перевороты показали «неравнозначность социальных опор монархии в лице всего дворянского сословия и в лице гвардейского корпуса»¹⁵.

Срок пребывания на службе всех этих людей к середине XVIII в. также колебался в весьма широких пределах. Известные нам сведения представлены в таблице 2.

Из приведённых данных следует, что значительное большинство армейских офицеров-дворян находились на службе уже более десятка лет. Если у 62 человек воинский стаж составлял от 11 до 20 лет (около 37%), то ещё у 60 человек он превышал 20 лет (36%), а дюжина офицеров продолжали «тянуть лямку» свыше 30 лет, т.е. заметно превышая срок, установленный манифестом 1736 г. Длительность срока службы не всегда была связана с успешным продвижением в чинах. Среди штаб-офицеров четырёх полков известны шесть человек, служивших уже более 30 лет. Например, подполковник Нотебургского полка Иван Сухатин находился на военной службе 42 года (с 1706 г.), премьер-майор Луцкого полка Дмитрий Гурьев служил с 1714 г., секунд-майор Олонецкого полка Роман Башмаков – с 1715 г.¹⁶ Однако в том же Луцком полку числился Прохор Салтанов, за 34 года непрерывной службы добравшийся лишь до унтер-офицерского чина (он был квартирмейстером). Его сослуживец Ермил Стогов за 37 лет стал только каптенармусом¹⁷. Эти примеры показывают, что даже выходцу из «шляхетства» не было гарантировано успешного продвижения по службе в силу одного лишь происхождения.

¹⁴ РГВИА, ф. 490, оп. 1, д. 309, л. 41 об., 42, 57 об., 58.

¹⁵ Волкова И.В. Русская армия в русской истории. М., 2005. С. 395.

¹⁶ РГВИА, ф. 490, оп. 1, д. 306, л. 1 об., 2; д. 309, л. 1 об., 2; д. 339, л. 2 об., 3.

¹⁷ Там же, д. 309, л. 121 об., 122, 152 об., 153.

Судя по соотношению возраста и стажа службы, большинство офицеров с первых лет зачисления в ряды армии действительно прибывали к своим полкам и сразу же начинали исполнять свои обязанности. «Призывной возраст» начинался в 15–25 лет. Однако, например, поручик Луцкого полка Семён Никитин был зачислен на службу в 1729 г. 12-летним подростком, его сослуживец прапорщик кн. Фёдор Козловский начал свою карьеру в 1727 г. в возрасте 13 лет. В этом же возрасте были записаны на службу в 1726 г. вахмистр Вологодского полка Василий Лыков и в 1729 г. капитан Нотебургского полка Филипп Ядреновский. Рекордный же показатель принадлежит Григорию Сухову, квартирмейстеру Вологодского полка, в 1749 г. произведённому в прапорщики Олонечского полка: он уже в 10 лет оказался зачисленным на военную службу¹⁸. Как видим, описываемая мемуаристами-современниками практика фиктивного зачисления дворянских отпрысков на военную службу с раннего детства к середине XVIII в. ещё не получила широкого распространения. Пользовались этой возможностью, как правило, лишь выходцы из более или менее обеспеченных семей или знатных аристократических фамилий, попадавшие в гвардию, тогда как массе мелкопоместного провинциального дворянства данные каналы были практически недоступны. Классическим примером в этом плане, на который ссылаются исследователи, является биография будущего фельдмаршала А.В. Суворова¹⁹.

Складывается впечатление, что само по себе дворянское звание значило очень мало, если его носители не имели крепостных. Именно этот показатель, а не родословное происхождение, приобрёл решающее значение в XVIII столетии для определения принадлежности того или иного лица к «благородному шляхетству». Сохранявшаяся возможность выслужить дворянство путём достижения соответствующих чинов Табели о рангах ещё не гарантировала человеку надления его землями и крепостными. С.М. Троицкий, изучая состав находившихся в «статской» службе представителей бюрократического аппарата империи, отметил, что, «становясь личными, а затем и потомственными дворянами, чиновники не превращались в сколько-нибудь крупных помещиков»²⁰. Проанализированные мною данные о дворянах, находившихся на военной службе, только подтверждают эту тенденцию: подавляющее большинство среди них составляли мелкопоместные или неимущие землевладельцы. Тех же, кто мог рассчитывать на получение значимых доходов от собственных имений, были единицы. Данные о душевладении офицеров-дворян из четырёх полков представлены в таблице 3.

Согласно этим данным, более половины дворянских выходцев в офицерских чинах либо вообще не имели за собой лично крепостных, либо число последних не достигало и 20 душ мужского пола – таковы 107 человек из 165 (почти 65%). Правда, 56 из них указывали в своих «сказках», что обладателями крепостных душ является кто-либо из их родителей, или же они владеют некоторым числом крестьян совместно со своими родными братьями. Кстати,

¹⁸ Там же, л. 89 об., 90, 121 об., 122; д. 306, л. 206 об., 207; д. 314, л. 30 об., 31, 72 об., 73; д. 339, л. 152 об., 153. В десятилетнем возрасте начинал свою военную карьеру известный мемуарист XVIII в. Андрей Болотов (*Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. М., 1986. С. 42, 43.*)

¹⁹ См.: *Леонов О.Г., Ульянов И.Э. Русская пехота, 1698–1801: Боевая летопись, организация, обмундирование, вооружение, снаряжение. М., 1995. С. 67; Фаузова И.В. Указ. соч. С. 54, 58, 59.*

²⁰ *Троицкий С.М. Указ. соч. С. 302.*

Число душ крепостных у офицеров-дворян сибирских полков

Число душ мужского пола	Полки				Всего
	Нотбургский	Луцкий	Вологодский	Олонецкий	
До 20	5	18	12	4	39
21–50	3	9	6	5	23
51–100	3	5	5	3	16
Свыше 100	–	5	3	–	8
За родственниками (отцами, матерями, братьями)	13	19	12	12	56
Не имели	3	5	1	3	12
Неизвестно	4	2	5	–	11
Всего	31	63	44	27	165

Составлено по: РГВИА, ф. 490, оп. 1, д. 306, 309, 314, 339.

сам этот факт показывает, что мнение А.Н. Медушевского и других историков о быстром дроблении дворянских имений после отмены петровского указа о майорате с 1730 г. выглядит несколько преувеличенным. Отнюдь не каждый из помещиков-землевладельцев делил свою собственность между всеми наследниками, завещая им отдельную часть имения. Например, подпрапорщик Луцкого полка Терентий Звягин указал, что владеет 18 душами мужского пола вместе с братом; квартирмейстер Вологодского полка Артемий Винюков указал за собой «мужескаго полу обще з братьями 30 душ»²¹. Бывали также случаи, когда имение получал в наследство только один из братьев, а остальные вынуждены были в поисках источников существования идти на службу. Так произошло с квартирмейстером Олонецкого полка Родионом Толстым и его сослуживцем капитанармусом Василием Худяковым. Хотя они считались «испомещенными», т.е. владели имениями, однако собственниками крепостных душ были их родные братья²².

Среди тех, кто указывал владельцами крепостных кого-либо из своих родителей, встречаются как выходцы из бедных дворянских фамилий, так и отпрыски достаточно богатых помещиков. Скажем, в Нотбургском полку вместе несли службу подпрапорщик Алексей Бегичев (три души мужского пола за матерью), фурьер Алексей Брагин (10 душ мужского пола за отцом) и трое братьев из княжеского рода Девлет-Киндеевых (Леонтий, Андрей и Егор), чьи родители владели «в разных местах Воронежской губернии» 250 крепостными душами мужского пола²³. Однако и здесь большинство составляли те, чьи родители оказывались владельцами весьма небольшого числа душ. Кроме упомянутых братьев Девлет-Киндеевых известно всего пять человек, указавших, что в родительских имениях насчитывается от 100 до 250 душ мужского пола. А вот трое братьев Шеншиных (Герасим, Василий и Захар), служивших в том же Нотбургском полку, показали, что их отец владеет всего 28 душами мужского пола в Мценском уезде Белгородской губернии. Капитан гренадерской роты Луцкого полка Николай Демьянов, хотя и достиг уже 45-летнего возраста, находясь на службе более 30 лет, всё ещё не стал помещиком, поскольку жив

²¹ РГВИА, ф. 490, оп. 1, д. 309, л. 153 об., 154; д. 314, л. 43 об., 44.

²² Там же, д. 339, л. 104 об., 105, 174 об., 175.

²³ Там же, д. 306, л. 23 об., 24, 41 об., 42, 61 об., 62, 147 об., 148, 206 об., 207.

был его отец, за которым числилось 80 душ мужского пола в Зубцовском уезде Новгородской губернии²⁴.

Данные относительно владельцев имений, состоявших на службе, вполне чётко демонстрируют обратно пропорциональную зависимость: с ростом числа крепостных, находившихся в их собственности, сокращается доля их хозяев среди полковых офицеров. Фактически мы наблюдаем здесь ту же картину, которую описал в отношении гражданской бюрократии С.М. Троицкий, констатировавший среди чиновничества России в середине XVIII в. преобладание «средних и особенно мелких душевладельцев»²⁵. Из 86 человек, относивших себя к владельцам крестьян, подавляющее большинство составляли мелкопоместные дворяне, имевшие до 100 душ мужского пола. Ещё семь человек владели 100–300 душами и только один человек – подполковник Луцкого полка Сергей Измайлов – мог считать себя богачом, имея чуть более тысячи душ мужского пола²⁶. При этом среди мелких помещиков доля людей, фактически приравненных к неимущим дворянам (т.е. имевшим менее 20 душ мужского пола), составляла ровно половину (39 человек из 78). Наконец, ещё 12 человек вообще не имели за собой крепостных. Схожая картина наблюдалась и в гвардии, где именно мелкопоместные дворяне составляли устойчивое большинство среди рядовых и унтер-офицерских чинов²⁷.

С учётом этих данных становится очевидным, что большинство офицеров-дворян, служивших в полевых армейских полках, не могли рассчитывать на доходы от имений, чтобы поддерживать стабильный уровень своего материального благополучия. Именно поэтому они вынуждены были оставаться на военной службе. Можно привести ряд примеров того, как офицеры, уже выслужившие 25-летний срок, продолжали «тянуть лямку», прекрасно понимая, что не смогут прожить на доходы от своих имений, выйдя в отставку. Подпоручик Нотебургского полка Осип Шаршавин служил с 1721 г., имея за собой лишь 13 душ крепостных мужского пола; поручик Луцкого полка Иван Челюскин находился на службе с 1719 г., владея семью душами; капитан Вологодского полка Емельян Качалов также отслужил более 25 лет, но имел только 20 душ мужского пола²⁸. Этот список можно продолжить, однако общая картина вполне ясна. Как справедливо заметила И.В. Фаизова, характеризуя ситуацию, сложившуюся к середине XVIII в., «основная масса неимущих слоёв мелких помещиков... вопреки Манифесту 1736 г. десятилетиями тянула лямку тяжёлой воинской службы, а к моменту выхода в отставку достигала лишь нижних обер-офицерских чинов»²⁹. Некоторым не удавалось и этого. Так, служивший в Вологодском полку Иван Венгерский получил отставку в 1746 г., когда ему исполнилось уже 57 лет (на службе он находился в течение 31 года), достигнув лишь чина подпрапорщика³⁰. Связано это было, скорее всего, с тем, что он так

²⁴ Там же, л. 188 об., 189, 206 об., 207, 222 об., 223; д. 309, л. 9 об., 10.

²⁵ Троицкий С.М. Указ. соч. С. 302.

²⁶ РГВИА, ф. 490, оп. 1, д. 309, л. 1 об., 2.

²⁷ См.: Смирнов Ю.Н. Особенности социального состава и комплектования русской гвардии в первой половине XVIII в. // Классы и сословия России в период абсолютизма. Куйбышев, 1989. С. 89, 100. О сложностях, возникавших при наделении гвардейцев землями, см., например: Дёмкин А.В. Лейб-компания императрицы Елизаветы Петровны (1741–1762 гг.). М., 2009. С. 170–174.

²⁸ РГВИА, ф. 490, оп. 1, д. 306, л. 126 об., 127; д. 309, л. 57 об., 58; д. 314, л. 22 об., 23.

²⁹ Фаизова И.В. Указ. соч. С. 81.

³⁰ РГВИА, ф. 490, оп. 1, д. 309, л. 152 об., 153.

и не выучился грамоте, поскольку ещё в царствование Анны Иоанновны было запрещено повышать в чинах неграмотных офицеров³¹.

Таким образом, считать послепетровскую Россию середины XVIII в. «дворянской империей» вряд ли правомерно. Выдвигая тезис о том, что «консолидированное сословие настойчиво добивается всё новых законодательных норм в свою пользу»³², А.Н. Медушевский, на мой взгляд, не учитывает того обстоятельства, что дворянское сословие существовало не как единое целое, как словесная корпорация, а представляло собой скорее конгломерат в большинстве своём мелких и мельчайших собственников земли и крепостных крестьян, почти не связанных друг с другом общностью каких-либо политических и социальных интересов. Примечательно, что несколькими страницами ниже автор, приводя соответствующие примеры из «Семейной хроники» С.Т. Аксакова, сам признаёт, что в середине XVIII в. «между помещиками и их соседями судебные споры, разбирательства и захваты сильным имения слабого стали обыденным повсеместным явлением»³³. Справедливо, по моему мнению, скорее утверждение И.В. Волковой: «Степень единства высшего сословия российского общества в эпоху дворцовых переворотов была величиной довольно спорной»³⁴.

Что же касается объективно имевшего места процесса расширения дворянских прав и привилегий, то он также получает своё объяснение. Замечу, что далеко не всегда этот процесс считают заслуживающим объяснений. В монографиях Е.В. Анисимова внутренней политике в отношении дворянского сословия посвящены лишь несколько страниц, никак не раскрывающих её действительные мотивы³⁵. Ближе к истине, пожалуй, объяснение И.В. Курукина, указавшего, что частичные уступки «шляхетству», сделанные к середине XVIII в. Анной Иоанновной, вместе с тем сопровождалась увеличением служебных тягот. Реализация манифеста 1736 г. была отложена до окончания войны с Турцией в 1739 г.; находясь на службе, дворянин не был уверен в «производении» (т.е. повышении), поскольку «получить новый чин, отпуск или отставку влиятельному и обеспеченному офицеру было гораздо легче»; «дома его ожидали проблемы... помещики стали ответственными плательщиками за свои “души” и их недоимки»³⁶.

Гвардейцы организовывали смену монархов на российском престоле, однако это не снимало противоречий внутри всего дворянского сословия, поскольку в ходе дворцовых переворотов реализовывались интересы лишь отдельных придворных группировок, подавляющее же большинство представителей дворянства (находящиеся на службе, а также провинциальные помещики) не принимали никакого участия в политической жизни страны. В этих условиях, как удачно подметила И.В. Волкова, «дворянские привилегии как побочный продукт дворцовых переворотов являлись не столько результатом осмысленных усилий активной части дворянства, сколько формой приспособления монархии к гетерогенному составу и конфликтности интересов дворянства»³⁷. Совпадение интересов массы помещиков и носителей верховной власти, как указывает Д. Ливен, диктовалось самим положением «русского провинциального дворя-

³¹ См.: *Леонов О.Г., Ульянов И.Э.* Указ. соч. С. 67.

³² *Медушевский А.Н.* Указ. соч. С. 801.

³³ Там же. С. 809, 810.

³⁴ *Волкова И.В.* Указ. соч. С. 377.

³⁵ См., например: *Анисимов Е.В.* Россия без Петра: 1725–1740. СПб., 1994. С. 290–293; *он же.* Женщины на российском престоле. СПб., 2003. С. 127, 128.

³⁶ *Курукин И.В.* Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762 гг. Рязань, 2003. С. 263.

³⁷ *Волкова И.В.* Указ. соч. С. 376.

нина, как правило, владевшего... не слишком плодородными и богатыми землями, которые к тому же приходилось делить между детьми и наследниками». Это заставляло большинство дворян стремиться на государственную службу, поскольку там даже провинциальный дворянин «мог рассчитывать на выгодную и престижную карьеру»³⁸. Многочисленные примеры того, как складывалась карьера представителей нескольких ветвей одного дворянского рода, можно найти в мемуарах М.В. Данилова³⁹.

Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что судьбами страны реально распоряжались представители лишь нескольких сотен дворянских фамилий, обладавшие большими средствами и земельными владениями, занимавшие придворные должности и составлявшие костяк гвардии. Именно эта «аристократическая олигархия» возводила на трон нужных ей правителей и свержала неудобных. Прочие, числившиеся в рядах «благородного шляхетства», в силу своего материального положения и условий службы (как военной, так и гражданской) отстранялись от участия в политической деятельности. Судьба Петра III, которому благодарные за Манифест о вольности 1762 г. дворяне готовы были поставить памятник⁴⁰, но который был лишён власти и жизни спустя всего несколько месяцев после издания прославившего его законодательного акта, доказывает это исчерпывающим образом. В силу тех же причин, как это уже отметила И.В. Фаизова, после Манифеста 1762 г. не произошло массового оттока дворян с государственной службы, так как позволить себе выйти в отставку могли средние и крупные помещики, но не беспоместные и мелкопоместные дворяне, составлявшие устойчивое большинство среди «шляхетства»⁴¹.

Таким образом, тезис А.Н. Медушевского о том, что «дворянство видело в государственной власти исключительно инструмент реализации своих социальных ожиданий»⁴², нуждается в уточнении в том смысле, что представители данного сословия вынуждены были искать пути для этой реализации прежде всего на службе абсолютистскому государству. Данные середины XVIII в. относительно военной службы дворян и материального положения большинства из них показывают, что считать этих людей принадлежавшими к «правлящему сословию», в чьих интересах действует верховная власть, будет преувеличением. Отдавая должное проведённому А.Н. Медушевским анализу законодательных инициатив российских монархов по вопросам владения земельной собственностью (действительно превратившейся в монополию дворянства), считаю нужным указать на необходимость дальнейшего глубокого и всестороннего изучения взаимоотношений состоявших на службе дворян с имперской государственной машиной XVIII столетия. Именно анализ служебной карьеры и материального положения русских дворян, выполненный с привлечением соответствующей источниковой базы, сможет дать ответ на вопрос, обозначенный в заглавии. Хотелось бы надеяться на появление подобных исследований, способных внести заметный вклад в разработку проблем империостроительства, особенно в плане взаимоотношений между имперским государством и его подданными на протяжении XVIII в.

³⁸ *Ливен Д.* Указ. соч. С. 396, 397.

³⁹ *Данилов М.В.* Записки Михаила Васильевича Данилова, артиллерии майора, написанные им в 1771 г. (1722–1762) // *Безвременье и временщики: Воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720–1760-е гг.)*. Л., 1991. С. 289–299.

⁴⁰ *Волкова И.В.* Указ. соч. С. 396.

⁴¹ *Фаизова И.В.* Указ. соч. С. 170, 171.

⁴² *Медушевский А.Н.* Указ. соч. С. 825, 826.